

В. В. Толмачев

ПРИНЦИПЫ (ТРЕБОВАНИЯ) ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО И СТРУКТУРНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ЗАПРЕТОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматривается ряд принципов технико-юридического оформления правовых запретов. Отмечается актуальность исследования правотворческой практики установления запрещающих предписаний. Выделяются наиболее острые проблемы законодательного оформления запретов. К примеру, указывается на избыточное установление запрещающих нормативно-правовых предписаний в отдельных отраслях законодательства, на рассогласованность, несбалансированность запретов, обязываний и дозволений в праве. Обращается внимание на некоторые особенности использования модальной логики в раскрытии техники закрепления запретов в праве. Предлагается в общей теории права подразделять совокупность требований (принципов) технико-юридического оформления запретов в законодательстве на две группы: требования, обусловленные общесоциальными закономерностями действия запретов, и специально-юридические требования, предопределяемые закономерностями функционирования правовой системы. Обосновывается необходимость развития в науке общей теории права категории «структура правового запрета». Выделяются и характеризуются основные элементы структуры запрета в праве. Делается вывод о том, что предлагаемый алгоритм технико-юридического оформления запретов в праве надлежит использовать в законотворческой работе с особой тщательностью ввиду повышенной значимости устанавливаемого правового средства, которое может существенным образом ограничивать права и свободы участников общественных отношений.

Ключевые слова: запрет в праве, юридическая техника, принципы закрепления правовых запретов, структура и элементы правового запрета, общесоциальные и специально-юридические требования оформления запретов в праве

V. V. Tolmachev

PRINCIPLES (REQUIREMENTS) OF THE TECHNICAL-LEGAL AND STRUCTURAL DESCRIPTION OF PROHIBITIONS IN RUSSIAN LAW

The article discusses some principles of the technical-legal registration of the legal prohibitions. Notes the relevance of the study law-making practice of the establishment of deny orders. Stands out the most acute problems of legislative registration of prohibitions. For example, it indicates a redundant prohibiting the establishment of legal regulations in the individual branches of legislation, inconsistency, the imbalance of the prohibitions of rights and obligations in law. Draws attention to some features of the use of modal logic in the disclosure techniques of fastening of the prohibitions in the law. Offered in the General theory of the right to divide the set of requirements (principles) technical and legal registration of the prohibitions in the law on two groups: requirements due to the overall social regularities prohibitions, and specially-legal requirements, which are defined by the laws of functioning of the legal system. The necessity of development in science, General theory of law category «structure of a legal ban». Stand out and are the main elements of the structure of the prohibition in law. It is concluded that the proposed algorithm technical and legal registration of the prohibitions in the law shall be used in legislative work carefully in view of increased significance set of legal tools that can significantly limit the rights and freedoms of participants in public relations.

Keywords: prohibition in law; legal techniques; principles of securing legal prohibitions; the structure and elements of a legal ban; general social and specially-legal requirements prohibitions in law

Одной из наиболее актуальных задач современной юриспруденции выступает необходимость установления технико-юридических принципов и критериев институционально-иерархической согласованности, сбалансированности запретов, обязываний и дозволений в праве. Нерешенность данной задачи снижает эффективность использования указанных

средств в механизме правового регулирования. По настоящий момент законодатель не придерживается четких ориентиров в установлении логических пределов должного, запрещенного и дозволенного вариантов поведения для субъектов правоотношений.

В российском законодательстве дисбаланс рассматриваемых инструментов приводит к возникновению нормативно-правовых «узлов», нарушающих системность его построения. Нормативно-правовой материал не свободен от различного рода вертикальных и горизонтальных рассогласованностей в отношении содержащихся в нем запретов и дозволений. К примеру, нормативно-правовой акт одного уровня устанавливает запрещающий модус, а законодательный акт другого уровня предусматривает прямо противоположный в отношении одного и того же варианта поведения.

Также имеет место избыточное установление запрещающих нормативно-правовых предписаний в отдельных отраслях законодательства. В последние годы наметилась негативная тенденция неоправданного увеличения числа запретов не только в области публичного, но и частноправового регулирования. Несоблюдение технико-юридических требований в установлении юридических модусов нивелирует положительный потенциал, закладываемый в нормативно-правовые предписания, создает целый ряд трудностей в правоприменительном процессе, а в итоге — тормозит развитие регулируемых правом общественных отношений. Логико-модальная «путаница» действующего законодательства дестабилизирует всю российскую правовую систему, снижает авторитет права, содействует укреплению правового нигилизма в общественном сознании, а избыточность юридических запретов и дефекты их технико-правового установления и вовсе потенциально способны превратить механизм правового регулирования в реакционную «клетку» по сдерживанию социального прогресса.

Об опасности подобного обращения с запретами имеется немало убедительных предупреждений со стороны научного юридического сообщества. «Ненужные запретительные пути разрушают нормальную деонтическую интервалику в системе нормативно-правовых регуляторов, что приводит к гипертрофии принудительного фактора в

поддержании общественного порядка, подрывает нравственный авторитет государства, его управленческих акций» [2, с. 130].

Использование модальной логики в раскрытии техники закрепления запретов в праве позволяет проанализировать ряд дополнительных моментов. В юридической литературе модальный аспект нормативных предписаний рассматривается сквозь призму трех модусов — «разрешено», «требуется» и «запрещено» [2, с. 123]. Запреты совместно с обязываниями и дозволениями формируют деонтическое ядро всей системы российского законодательства, что требует учета специфических технических приемов их закрепления и использования на практике. К форме изложения модусов предъявляются три наиболее общих и основных требования: четкой смысловой направленности, логической взаимосогласованности, иерархической соподчиненности.

Как справедливо отмечает Г. Т. Чернобель, в общей теории права проблема техники закрепления нормативно-правовых модусов не имеет надлежащего решения, по-прежнему требует к себе повышенного внимания. В отечественной юридической науке и законодательстве отсутствуют дефиниции понятий «правовое разрешение», «правовое требование» и «правовое запрещение» [2, с. 125].

Техника оформления правовых модусов не имеет единых общемировых стандартов. Так, при установлении общих прав и обязанностей в конституциях одних государств они размещаются совместно в одной главе (или разделе), в других же — раздельно, чем подчеркивается особое значение определенных модусов (например, совместно — Конституция Итальянской республики, Конституция Португальской республики, а раздельно — Конституция Румынии).

Запрет в праве может принимать разнообразные терминологические оболочки — «не допускается», «запрещено», «исключается», «не может» и т. д. Следует согласиться с утверждением о том, что запреты должны быть выражены точно, ясно и логически непротиворечиво. Недопустимо использование технико-юридических приемов для завуалирования запретов, закрепления так называемых «молчаливых запретов». Иногда подобные случаи характеризуют как пробелы в праве, что представляется не всегда верным. В

законодательстве порой «молчаливый запрет» технически оформляется посредством установления целого ряда избыточных обязанностей (как, например, имеет место в правовом механизме реализации прав граждан на митинги, шествия и демонстрации). Здесь наблюдается не пробел в праве, а, наоборот, запредельная правовая регламентация общественных отношений, граничащая с юридическим запрещением на их фактическую реализацию. Следовательно, средства юридической техники позволяют не только содействовать более эффективному закреплению запретов в законодательстве, но и кардинальным образом изменять их предназначение и социальную ценность, что лишний раз свидетельствует о важности и актуальности научного осмысления именно технической стороны оформления запретительных инструментов в праве.

Обобщая уже накопленные к настоящему моменту отраслевые знания, представляется целесообразным в общей теории права подразделять совокупность требований (принципов) технико-юридического оформления запретов в законодательстве на две группы: *требования, обусловленные общесоциальными закономерностями* действия запретов, и *специально-юридические требования*, предопределяемые закономерностями функционирования правовой системы.

В числе *общесоциальных принципов (требований)* следует назвать:

- установление правовых запретов лишь в отношении деяний, создающих потенциальную либо реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям (требование социальной обоснованности запрета);

- наличие определенной степени устойчивости и повторяемости запрещаемого типа деяния (требование устойчивости — запрет, как правило, не следует устанавливать в отношении возможных единичных деяний, вероятность осуществления которых близка к нулю);

- необходимость учета положительных и отрицательных моментов установления нового запрета в праве, ибо всякий запрет есть некое неизбежное «зло», ограничивающее социальную активность участников общественных отношений;

- адекватность запрета по отношению к деянию, им запрещаемому (не всегда выбор запрета для ограничения нежелательной активности субъектов оправдан, порой можно воспользоваться мерами профилактического

характера, средствами стимулирования совершения иных социально-ценных вариантов поведения — «мягкое» правовое регулирование и ограничение нежелательных поступков).

Специально-юридический характер имеют следующие требования:

- соответствия конституционным принципам и нормам, общеправовым принципам;

- беспробельности нормативного установления запретов;

- процессуальной обеспеченности механизма реализации запрещающего предписания;

- системной непротиворечивости устанавливаемого запрета с иными запрещающими нормами;

- неизбыточности запрета (нежелательно неоправданное дублирование запрещающих предписаний, излишнее их установление и т. д.);

- определенности и единства терминологии;

- полноты состава запрещаемого деяния;

- соразмерности санкции и запрещаемого деяния.

В рамках проблемы законодательной техники закрепления запретов в праве следует рассмотреть как особую юридическую конструкцию их структуру. Представляется, что *структура правового запрета* включает в себя следующие элементы: субъект, объект, предмет охраны, цель. Подобный подход встречается в науке конституционного права [1, с. 56—60], что может получить обобщение и распространение в теории государства и права.

Под *предметом охраны запрета* следует понимать определенный вид (группу) общественных отношений, для защиты которых он предусмотрен законом.

Объект правового запрета составляет само вытесняемое общественно вредное поведение субъектов.

Субъект запрета — это лица, которым он адресован, кому предписывается воздержаться от запрещенной правом модели поведения или кому закон предоставляет право его использования в качестве меры наказания (или средства пресечения, или способа защиты прав).

Цель запрета — не является обязательно законодательно выраженным элементом запрещающего нормативного предписания, чаще всего подразумевается и выводится из его общего смысла. Так, целью уголовно-правового запрета, установленного ст. 105 УК РФ, является охрана

жизни человека как высшей социально-правовой ценности.

В отраслевой литературе высказана точка зрения о необходимости включения в структуру правового запрета и такого элемента, как ответственность (санкция) [1, с. 57, 58]. Полагаем, что такой теоретический шаг не вполне оправдан. Юридическая ответственность представляет собой достаточно масштабное и самостоятельное средство правовой системы. При этом она выступает одной из важнейших гарантий, наряду с профилактическими мерами, реализации запретов в праве, их соблюдения участниками общественных отношений. При конструировании и законодательном закреплении правовых запретов конечно же следует предусматривать конкретные меры юридической ответственности за их нарушение. Однако это не является причиной, по которой мы должны включать юридическую ответственность в структуру самого запрета.

Далее рассмотрим технико-юридические требования, предъявляемые к изложению в законодательстве каждого из обозначенных элементов структуры запрета.

Объект правового запрета должен быть четко и однозначно выражен в тексте нормативно-правового акта. Недопустимо использование двусмысленных выражений, допускающих различное толкование запрещающего предписания. Полнота изложения запрета предполагает формулирование в нем всех основных признаков запрещаемого деяния. Чем выше степень общественной вредности запрещаемого деяния, тем более детальным должно быть его законодательное описание. В связи с этим в КоАП РФ и Уголовном кодексе РФ используются специализированные конструкции — состава правонарушения и состава преступления. Лишь при формулировании общих запретов, запретов-принципов допустимы абстрактные формулировки в целях унификации запрещающих предписаний, обеспечения системности права и законодательства. Использование оценочных понятий допустимо, но в ограниченном числе случаев, когда это действительно обосновано и целесообразно. Однозначность и четкость выражения правового запрета в качестве требования юридической техники находит свое подтверждение и в практике официального толкования высших судебных инстанций. Подобные правила оформления запретов

позволяют минимизировать возможные негативные моменты в процессе правоприменения, повысить эффективность их действия [3].

Объект одного запрета не должен быть полностью тождественен объекту другого запрещающего предписания в целях недопущения дублирования нормативного материала, создания ситуаций потенциальных коллизий правовых запретов.

К предмету запрета также предъявляется ряд требований. В их числе установление запрета для охраны лишь тех общественных отношений, которые объективно подпадают под правовое регулирование, нуждаются в особом правовом режиме обеспечения их функционирования. При этом в каждом отдельном случае надлежит выяснить вопрос о целесообразности охраны такого отношения посредством именно запрета и наказания за его нарушение. В ряде случаев использование запрета лишь вредит развитию общественных отношений, является неадекватной мерой. Так, в области предпринимательской деятельности большей эффективностью обладают не запреты и ограничения в целом, а правовое стимулирование социально-полезных, выгодных обществу и предпринимателю направлений хозяйственной деятельности. Круг общественных отношений, подлежащих особой охране со стороны права в виде запрета, должен определяться с учетом наличия реальной угрозы для их осуществления, возможности выявления и фиксации подобных нарушений.

Субъект запрета должен определяться в законодательстве не менее точно, чем другие его элементы. Исключение делается только для общих запретов, которые во многих случаях обращены ко всем субъектам права или к весьма широкой их категории, не требующей какой-либо индивидуализации и конкретизации. Однако достаточно часто такая конкретизация имеет место в дальнейшем при установлении специальных запретов в законодательстве. В случаях же с уголовно-правовыми и административно-правовыми запретами круг субъектов, к которым они обращены, как правило, достаточно детализирован, в т. ч. посредством указания возраста субъектов, подлежащих ответственности, критериев вменяемости, а для специализированных составов — посредством указания должности, особого правового статуса и

т. д.

В заключение представляется необходимым отметить, что подобный алгоритм технико-юридического оформления запретов в праве надлежит использовать в законотворческой работе с особой тщательностью ввиду повышенной значимости устанавливаемого правового средства, которое может существенным образом ограничивать права и свободы участников общественных отношений. Запреты следует устанавливать, соблюдая требование об их максимально экономичном использовании в целях недопущения излишних юридических препятствий для функционирования и развития социальных связей. При этом не следует игнорировать одно из важнейших требований юридической техники — научной обоснованности нормативно-правовых нововведений и их соответствия уровню социально-экономического развития страны. Согласимся с утверждением о том, что законодатель каждый раз должен тщательно изучить общественное мнение и просчитать возможные последствия перед введением или снятием запрета в праве. При этом необоснованно установленные запреты в законодательстве не только сдерживают социальное развитие, но и влекут за собой массовое их нарушение, правовой нигилизм и коррупцию.

Список библиографических ссылок

1. Куликова С. А. Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика: материалы междунар. заочной науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). СПб., 2011. С. 56—60.
2. Чернобель Г. Т. Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М., 2011. С. 123—135.
3. Постановление Конституционного суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

© Толмачев В. В., 2014